

УДК 947(470.22)"1945/1959"

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-744-753

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1950-е гг.
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛИИ)¹****THE DAILY LIFE OF THE POPULATION IN THE SECOND HALF OF THE 1940s – 1950s
(BY THE MEMORIES OF RESIDENTS OF KARELIA)****Л.И. Вавулинская
L.I. Vavulinskaya**Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre,
11 Pushkinskaya St., Republic of Karelia, Petrozavodsk, 185910, Russia

E-mail: ludvav@mail.ru

Аннотация

На основе воспоминаний жителей Карелии и материалов Национального архива Республики Карелия показаны быт населения республики в послевоенные годы, восприятие людьми тех или иных событий истории, осмысление жизненных проблем, межличностные отношения в период перехода от войны к миру. Особое внимание уделено жилищной и продовольственной проблемам, различным способам адаптации жителей республики к социально-бытовым условиям. Освещены трудности послевоенного детства, роль школы в воспитании подрастающего поколения. Показаны организация досуга детей и взрослых, место социокультурных факторов в системе жизненных ценностей населения. Затрагиваются аспекты взаимоотношений между людьми, важнейшими из которых были чувство долга и взаимопомощи. Подчеркнуто, что реконструкция повседневности послевоенных лет на основе воспоминаний жителей республики расширяет возможности воссоздания подробностей как материальной стороны жизни, так и эмоциональных переживаний, настроений людей.

Abstract

The realities of daily life in Karelia in post-war years, people's perceptions of certain events in history, reflections on challenging life circumstances, interpersonal relationships during the period of transition from war to peace based on recollections by residents of Karelia and documents from the Republic of Karelia National Archives are demonstrated. Special focus is on the housing and food issues, the various ways people of the republic employed to adapt to the social and living conditions. The challenges of being a child in post-war time, the role of the school in upbringing are highlighted. Leisure-time arrangements for children and adults, the position occupied by sociocultural factors in the value system of people are shown. Relationships between people, where key aspects were the sense of obligation and mutual aid, are considered. It is argued that remodeling of post-war daily realities relying on recollections of residents of the republic widens the opportunities for reproducing the details of both the material dimension of life and people's emotions and sentiments.

Ключевые слова: Карелия, воспоминания, послевоенная повседневность, быт, жилищная и продовольственная проблемы, досуг, детство.

Keywords: Karelia, recollections, post-war daily life, household routines, housing and food issues, leisure-time activities, childhood.

¹ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011) «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)».

Проблемы истории повседневности, выход на микроуровень анализа социальной реальности советского времени вызывают большой интерес современных исследователей. Подобный подход позволяет увидеть советское общество в иной плоскости – через повседневные социальные практики его граждан. В 2000-е – 2010-е гг. вышли исследования по повседневности как методологического, историографического [Назарова, 2014; Яковлев, 2014; Данилова, 2015; Новинская, 2015; Дворковая, 2016; Пушкарева, 2016; Кознова, 2018; Шумилова, 2018], так и исторического характера, в частности, по интересующему нас послевоенному периоду [Зубкова, 2000; Лебина, Чистиков, 2003; Кучева, 2014; Лебина, 2016; Смагулов, 2016]. Авторы определяют причины и анализируют последствия материальных и социокультурных перемен в жизни и политических настроениях советского общества, рассматривают различные аспекты жизни городского и сельского населения: жилище, питание, досуг и т. д. Особое внимание уделено социально-психологическим аспектам повседневной послевоенной жизни, взаимодействию общества и власти, динамике общественных настроений населения и их роли в социальных процессах общества в 1940–50-е гг.

Исследования региональных историков существенно дополняют общую картину послевоенной жизни страны. В статье на основе воспоминаний жителей Карелии и материалов Национального архива Республики Карелия сделана попытка не только воспроизвести быт населения, но и показать восприятие людьми тех или иных событий истории, осмысление жизненных проблем, межличностные отношения в период перехода от войны к миру, когда трудности послевоенного бытия скрашивались надеждой, что скоро жизнь наладится.

Объектом исследования является население Карелии во второй половине 1940-х – 1950-е гг. В качестве предмета исследования выступает повседневная жизнь городских и сельских жителей, включающая сферу удовлетворения материальных и духовных потребностей людей. Исследование осуществлено в рамках антропологического подхода с использованием общенаучных (анализ, синтез), конкретно-исторических методов исследования (хронологический, сравнительно-исторический, метод микроистории), а также основных методов устной истории – интервью и беседы. В совокупности эти методы позволяют осветить разные стороны послевоенной повседневности, вычленив главное в настроениях и ожиданиях людей.

Повседневность первых послевоенных лет была наполнена пафосом восстановления. Тысячи людей после окончания рабочего дня трудились на стройках, участвовали в благоустройстве населенных пунктов. Сергей Татауршиков, в те времена руководитель Петрозаводского городского комитета комсомола, вспоминал, какой активной была молодежь: «Например, мы заготавливали мох на строительство домов. Надо было идти за ним 7 километров. Юра Фалинов брал аккордеон, и так мы с музыкой и песнями шли пешком» [Меккиева, 2018a].

На территории освобожденных районов республики проходили митинги, на которые собиралось все население окружающих деревень. Митинги продолжались до 2–3 часов утра. Людей интересовали вопросы о возврате скота, сданного во время эвакуации, об открытии школ, яслей, здравпунктов, организации радиопередач, демонстрации кинофильмов и др. Некоторые колхозники высказывались против работы в колхозе: «Нельзя ли еще годик пожить без колхозов и собрать урожай единолично со своих участков?», «Мы проживем без колхоза, жили же мы при финнах без колхозов». Подобные высказывания объяснялись тяжелым положением колхозов. Огромные потери, которые понесло сельское хозяйство в годы войны, усугублялись продолжавшимся неэквивалентным обменом между городом и деревней, жесткой налоговой политикой. Однако, несмотря на трудности, колхозники работали с раннего утра до темноты. Во многих колхозах вносились предложения о перевыполнении плановых заданий.

Послевоенные мирные будни многими воспринимались достаточно просто – как возврат к тому, что было до войны. Реальность же была такова, что ни сразу после побе-

ды, ни спустя время даже эти не слишком притязательные ожидания людей не спешили реализовываться [Зубкова, 1991, с. 286]. Возвращение эвакуированных предприятий и учреждений, резкий рост городского населения вызвали острую нехватку жилья. Например, в январе 1946 г. на душу населения Петрозаводска приходилось только 3,8 кв. м жилой площади¹. З. Камбалина, ветеран труда Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината, приехавшая в Кондопогу в июне 1946 г. работать комсоргом на комбинате, вспоминала, что «жилья как такового не было. Все инженерно-технические работники занимали один небольшой служебный домик. Строители и монтажники жили в средней школе № 1, в сохранившемся складе бумаги и в доме культуры. Постельных принадлежностей не хватало. Люди спали на бумажных матрацах и подушках, набитых стружками. Вместо простыней и одеял – куски сушильных и прессовых сукон...» [Камбалина, 1979].

Горожане вспоминают, что в Петрозаводске в 1945 г. водопровода не было. Воду брали из колодцев или колонок. Часто были перебои со светом. Еще в 1947 году школьники ходили по квартирам и клеивали бумагой розетки для электроплит, чтобы не было перегрузки сети. Одним из первых зданий, восстановленных в Петрозаводске, была баня на улице Красной. Чтобы помыться, приходилось три часа стоять в очереди. Мочалки, потогдашнему шайки, в Петрозаводске было не достать. За ними ездили в Пряжу или Кондопогу, где были мастера [Меккиева, 2018б)].

Одной из самых острых проблем наряду с жилищной оказалась проблема снабжения населения продовольствием и товарами повседневного спроса. Трудности в ее решении, связанные с тяжелыми последствиями войны, усугублялись слабым развитием отраслей пищевой, легкой, и местной промышленности в республике, что было обусловлено традиционной ориентацией экономики на отрасли лесной и добывающей промышленности.

«В Карелии было голодно, в магазинах ничего нет, хлеб по карточкам...» [Просняков]. М. Яниной запомнилось, как в 1946 году приехавший из армии отец купил детям пряников. «А мама нам на завтрак оставила 4 кусочка хлеба. Папа нам говорит: «Пейте чай с пряниками, а я буду с хлебом». А у меня тогда мысль в голове, что я бы лучше хлеба поела. Для меня тогда хлеб был вкуснее пряника [Ложечка сахара..., 2018].

Повышение пайковых цен на товары, распределяемые по карточкам, в сентябре 1946 г. вызвало неоднозначную реакцию населения. За 1 кг ржаного хлеба, который до этого стоил 1 руб. 10 коп., теперь нужно было платить 3 руб. 40 коп. Пшеничный хлеб, ранее продававшийся по 1 руб. 70 коп., стал стоить 5 руб. за килограмм. При этом надо иметь в виду, что средняя заработная плата рабочего в это время составляла 400 руб.² Пережившие тяжелейшую войну люди были готовы потерпеть еще немного. Бригадир вагонно-ремонтного пункта депо Петрозаводск тов. Кузьмин, выступая на общем собрании, высказал мнение присутствующих так: «Правительство поступило правильно, эти мероприятия связаны будут с трудностями для нас, но они вызваны последствием войны. С трудностями будем бороться и преодолеем». В то же время некоторые низкооплачиваемые и многосемейные рабочие выражали недовольство повышением цен: «Как же мы будем жить, ведь очень мал наш заработок»³. К тому же нередкими были задержки с выплатой зарплаты. Рабочие Сегежского бумкомбината жаловались: «Денег у рабочих нет ни у кого. Вот уже второй месяц не платят ни аванса, ни зарплаты. Причина в том, что комбинат уже полгода не выполняет план. В связи с материальными недостатками и настроением такое же...»⁴.

Так же неоднозначно было воспринято населением решение правительства в сентябре 1946 г. об экономии в расходовании хлеба и снижении некоторым категориям (сельское население, иждивенцы, дети) норм снабжения хлебом. Многие высказывали опасе-

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-1394. Оп. 6. Д. 110. Л. 9.

² Там же. Ф. П-1230. Оп. 25. Д. 6. Л. 17; Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1890. Л. 22–31.

³ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 2288. Л. 20, 21.

⁴ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 2946. Л. 67.

ние, что подобное решение вызвано подготовкой к новой войне, чтобы создать запасы на этот случай.

Жители использовали различные способы для приобретения продуктов питания, одежды и обуви. Содержание приусадебных участков и огородов, ловля рыбы и домашние заготовки играли большую роль в обеспечении дополнительными продуктами питания. Об этом свидетельствуют многие воспоминания жителей республики. «Все дворы в Петрозаводске были перепаханы в картофельные поля, – рассказывает петрозаводчанин А. Валентик, тогда первоклассник» [Меккиева, 2018б].

Вернувшийся из эвакуации коренной заонежанин В. Максимов вспоминал: «Радость, что мы оказались в родных стенах, была неопишуемая, а те трудности, которые пришлось преодолевать в первое время, были несравнимы с тем, что осталось позади... И как бы ни было трудно, жизнь мало-помалу налаживалась. Упорядочилось снабжение хлебом и другими продуктами питания, которые выдавались по карточкам. Но этого скромного пайка было явно недостаточно. Основным подспорьем к питанию в этот период была рыба. Поэтому наш с братом рабочий день начинался с того, что, смастерив плот из бревен и досок, отплывали от берега на 20–25 метров и ловили удочками окуней, которых за прошедшие годы у берега скопилось предостаточно. Кроме того, добавкой к питанию было мясо тетеревов и рябчиков, которых при безлюдье и тишине в эти годы на островах развелось довольно много. Ловили мы их в летнее время руками в густой траве. Наряду с изысканием дополнительных источников питания нам с братом приходилось много трудиться на заготовке дров и на разработке земельного участка под огород для весенней посадки картофеля и других овощей. Несмотря на многие сложности послевоенной жизни, и особенно в питании, наша семья почувствовала улучшение с приобретением в конце концов коровы. Молоко стало для нас незаменимым продуктом, хотя часть его должны были сдавать как налог на содержание скота...» [Максимов, 2018].

Петрозаводчанка М. Н. Постникова, 1932 года рождения, отмечала: «В 1947 г. отменили карточную систему, с продуктами стало легче, но многие жители заготавливали сами: солили в бочках ряпушку, которая стоила 55 коп. за килограмм, солили мясо, лук. В столовую и буфет мы не ходили (за исключением отца, который обедал на работе). Колбасу ели очень редко, в основном покупали селедку... Яблок не покупали, если только кто угостит. В основном варили каши – перловку, гречневую, пшеничную. Молоко покупали редко»¹.

В.П. Семенова, вернувшаяся из эвакуации в родную деревню Пряжинского района, вспоминает: «В ноябре мне исполнилось двенадцать лет, я и печку топила, и хлеб пекла, тогда давали хлеб по трудодням. В субботу вечером поздно приезжали отец с матерью, и в воскресенье отец ходит на рыбалку и наловит окушков, и я распределяла: два окушка каждому каждый день. Хорошо еще хоть хлеб был. Что еще? Мы приехали осенью и столько было брусники! Огромную бочку на двадцать ведер насобирали брусники и делали толокно. Сама я толокно делала: парила овес в печке, потом на жернове высушишь, смелешь, потом с брусникой вот ели, да еще две рыбки съешь»².

В.И. Цветков, проживавший в дер. Шелтозеро, считал, что в послевоенное время огород являлся очень большим подспорьем. В хозяйстве держали коз, поросят, кур, на приусадебном участке выращивали картофель, морковь, лук, помидоры, капусту, еще росли кусты, клубника. Собирали, кроме того, дикорастущие: грибы, рыжики и ягоды³.

Таким образом, формы реализации жизненных потребностей населения Карелии в послевоенные годы были типичными. В то же время значительное разнообразие в повседневные практики самообеспечения населения продуктами питания внесли приезжавшие на работу в республику представители различных регионов Советского Союза. В.И. Цвет-

¹ Интервью с М.Н. Постниковой, 1932 г. р. Записала Л.И. Вавулинская. 2012 г.

² Интервью с В.П. Семеновой, 1932 г. р. Записал А.Ю. Осипов. (Центр устной истории ПетрГУ). 2005 г.

³ Интервью с В.И. Цветковым, 1925 г. р. Записал А.А. Савицкий (Центр устной истории ПетрГУ). 2005 г.

ков отмечал: «Некоторые национальности лучше нас консервировали на зиму продукты, делали иные заготовки. Мы это от них перенимали. Помидоры научились от них выращивать, а до войны растили лишь огурцы. Особенно из Прибалтики хорошо это умели. Шла взаимная учеба».

По воспоминаниям жителей республики, несмотря на тяготы жизни, массового воровства не было. Люди даже не запирали двери в домах. Бывший директор Онежского машиностроительного и металлургического завода (впоследствии – тракторного) Б.Н. Одлис вспоминал, что по ул. Коммунистов были построены 8-квартирные деревянные дома, и его с женой поселили в одном из таких домов, в квартире из 9 кв. м. За зиму уходило 16 кубов дров, а утром приходилось пробивать колуном лед в ведре – дом не был засыпан. «Летом, уходя на работу, мы около крыльца оставляли алюминиевый бидончик, в крышке которого всегда лежала придавленная камешком денежка. Из Зимника пароходом приезжала молочница, наливала в бидон свежее молоко, а денежку забирала. Так она обходила несколько домов на нашей улице, и я не помню случая, чтобы деньги или бидоны с молоком, дожидавшиеся своих хозяев до вечера, были украдены» [Никодимов, 2000].

При всех трудностях послевоенного времени характерной чертой людей было сострадание, желание помочь ближнему. В первый послевоенный год среди молодежи республики большой резонанс получил призыв комсомольцев помочь детям, потерявшим отцов на войне. По инициативе пионеров и комсомольцев был создан фонд помощи детям-сиротам. Открылись специальные детские столовые, выделялись дополнительные пайки для детей со слабым здоровьем, остро нуждающимся школьникам выдавались обувь, одежда, белье.

О.Я. Курхинен отмечает: «Иногда по квартирам ходили нищие, просили милостыню. У магазинов часто стояли старушки, просившие подаяние. На предприятиях, в учреждениях широко были распространены кассы общественной взаимопомощи, выручавшие людей в трудных обстоятельствах. Сирот не отдавали в интернаты, их в основном брали на воспитание родственники»¹. В.П. Семенова также подтверждает, как выручала людей взаимопомощь: «Тогда были черные кассы. С каждой полочки скидывались по 50 рублей, человек, предположим, 20. И вот, с полочки один человек получает тысячу рублей на руки. И покупаешь какую-то вещь. А вот откладывать не получалось...»².

Старую одежду берегли и перешивали, сами изготавливали в домашних условиях из ткани. М. Постникова рассказывала, что для школы бабушка сшила детям из мешочной выкрашенной ткани платья, пришив белые воротнички. Анна Филиппова вспоминала, как в 1945-м вернулась с фронта в Петрозаводск. Ей было 22 года. Еще полтора года девушка ходила в военной форме – на гражданскую одежду не было денег. Многие тогда носили одежду, посланную в СССР американцами. Анна Ивановна помнит, как ей на работе выдали костюм из «американского подарка», как их тогда называли. А первое платье у Анны Ивановны появилось в 1946 г., тоже от американцев. Оно сохранилось у Анны Ивановны до сих пор [Меккиева, 2018б].

На вопрос о том, как после войны обстояло дело с товарами, с вещами, с той же одеждой, как вы их доставали, В.П. Семенова, 1932 г. р., ответила: «Ой, с этим очень плохо было. Я была так плохо одета, все были так плохо одеты. В четвертый и пятый класс я ходила в мальчишечьем пальто брата... А потом я поступила сюда в техникум, осенью я шла в жакетике и в рукавицах, и Зоя такая, петрозаводская, а это осенью было, лед был, лужи были замерзшие, говорит: «В жакете и в рукавицах» и рассмеялась. Я пришла, расплакалась и брату рассказала. Мы пошли, и он тогда мне купил осеннее пальто и зимнее пальто впервые. Тогда было очень плохо со снабжением, на окнах были марлевые занавески, марлю покупали. ... В магазинах долго ничего не было. Очереди были, стояли даже ночами в очередь. Тогда, помню, в моде были резиновые боты на каблуке. Туда одевали

¹ Интервью с О.Я. Курхинен, 1942 г. р. Записала Л.И. Вавулинская. 2013 г.

² Интервью с В.П. Семеновой, 2005.

туфли. Раньше вообще ведь не так одевались. Носили боты резиновые осенью и весной, когда грязно, а мужчины – галоши и туфли. И когда приходишь в помещение, снимали галоши и туфли и находились в помещении в туфлях. Так же и в техникуме – в гардеробе снимаешь галоши и идешь в ботинках. Такой грязи не было, как сейчас»¹.

В своих воспоминаниях жители особое внимание обращали на чистоту в населенных пунктах. Петрозаводчанка М.Б. Луговская отмечала, что «зимой дорогу чистили городские службы. По краям дороги были пешеходные тротуары, тоже грунтовые. Тротуары в зимние метели чистили сами жильцы, каждый у своего дома. Жильцы же ухаживали и за травяными газонами. В конце 50-х годов по всей улице (Малой Слободской) вдоль дороги студенты высадили деревья – березы, осины, рябины. Улицы были очень зелеными... У всех были дворы с сараями, посадками цветов и кустарников, огороды. Практически во всех дворах росла бузина – от плохого в доме и вредителей. Было много посадок рябины, черемухи, сирени, акации, лип, позже посадили яблони и собирали с них урожай» [Истории нашего города, 2019].

Детство послевоенной поры горожане вспоминают с большой теплотой. «В те годы учиться было очень интересно, потому что школа стала для большинства единственным светлым пятном в трудной послевоенной жизни. Учебников не доставало, поэтому заранее договаривались, кто у кого возьмет книги в следующем учебном году, а также старшие преподавали младшим в семьях. Вспоминаются и общешкольные линейки. На них подводились итоги школьной жизни, а также критиковали тех, кто на переменах читает, «зубрит». Сейчас трудно в это поверить, но так было. На переменах следовало отдыхать, а не ходить с учебниками в руках», – подчеркивали учащиеся Калевальской средней школы [МБОУ Калевальская СОШ].

«Парт не было, для письма линовали мешочную бумагу, – рассказывает А. Валентик. – Учеников в классе было очень много, выше всяких норм. Я учился в первом «Е». Учебники Саша носил в противогазной сумке. Большинство одноклассников учились плохо, у многих были проблемы с дисциплиной. Об университетах, само собой, никто не думал» [Меккиева, 2018б].

«В Койкара я продолжал учебу в 6-м классе, – вспоминал М. Степанов. – Как ни голодно было, а 6-й класс я кончил на «отлично»... Я со школы принес «Похвальную грамоту» и 100 руб. премии. Это были большие деньги. Например, отец, работая лесником, в тот период получал 240 руб. (1 кг хлеба стоил 1 руб. 5 коп.)» [Дневник Александра Степанова..., 2018].

Работавшая старшей пионерской вожатой в Калевальской школе в 1951–1954 гг. А.К. Коренева вспоминала: «В сентябре в отрядах проводились перевыборы... Лучшие пионеры фотографировались у пионерского знамени. Работа в дружине проводилась интересно. Тимуровцы помогали престарелым: пилили и кололи дрова, убрали снег во дворе, носили воду и все делали быстро, часто тайно. Очень любили спорт, часто проводили вечера и соревнования. Любили петь, читать, рассказывать. Проводилась строевая подготовка к демонстрациям, выстраивались быстро по команде, умели ходить строем, были организованны. Руководил этим учитель физкультуры Н.П. Баранцев. Боролись против курения. Тогда это было «ЧП». Если кто-то осмеливался закурить, его строго осуждали сами пионеры» [МБОУ Калевальская СОШ].

В своих воспоминаниях о послевоенном времени жители Карелии отмечают, что для детей был хорошо организован досуг. «Работали разнообразные кружки, я посещала станцию юных натуралистов, которая находилась на берегу Онежского озера. При нашей школе работал кружок пения, филиал Детской спортивной школы по баскетболу. Детская сборная республики по баскетболу неоднократно занимала призовые места во всесоюзных соревнованиях, а один раз даже завоевали второе место. Когда в 1956 г. открылось новое здание Дома физкультуры, к нам приезжали команды из многих регионов России. В кино-

¹ Интервью с В.П. Семеновй, 2005.

театр в школьные годы ходили всей семьей. В кинотеатре «Победа» перед каждым киносеансом показывали концерт», – вспоминает О.Я. Курхинен¹.

В первые годы после войны всем приходилось много и тяжело трудиться. Но и об отдыхе никто не забывал. Особенной популярностью пользовалось кино. «В сентябре 1945 г. в республике работали 12 городских и 24 сельских кинотеатра, а также было 30 кинопередвижек, – вспоминает Л. Герасимова. – За девять месяцев после Победы киноустановки обслужили больше миллиона зрителей. В Петрозаводске тогда работал кинотеатр «Сампо». В репертуаре были в основном военные фильмы. Хотя, например, шли и такие ленты, как «Петр Первый», «Бесприданница» и даже американская комедия «Тетка Чарлея». Кино для нас, детей, конечно, было праздником. Билет стоил 10 копеек. Правда, на сеанс в 9 вечера нас не пускали. Это время уже считалось для взрослых. И нам билеты не продавали. Молодежь постарше ходила на танцы. Танцплощадки под открытым небом были в Губернаторском парке и в районе набережной Онежского озера». «Пели военные песни, кто-то на гармошке играл, кто-то – на балалайке, – рассказывает А. Филиппова. – А потом оркестр стал играть. Сложнее с танцами было в районах Карелии. Так, в деревне Сулажгора вроде и имелся клуб, но молодежь ходить туда не любила, так как в помещении было грязно и неудобно. А в Кондопожском доме культуры часто выключали свет. Кстати, в Кондопоге в 1945 году проживало всего 400 человек молодежи» [Ложечка сахара..., 2018].

Бывшая телеграфистка В.В. Васильева, прибывшая на работу в Петрозаводск из Беломорска, вспоминает: «Голодно, холодно было, а жили весело. На праздники какой-нибудь винегрет на всю кампанию сделаем – вот и угощение. Еще и на танцы в клуб ходим. И в кино изредка бывали, кинотеатр «Сампо» уже работал, в нем мне довелось посмотреть «Гарзана». Следует отметить, что возможности в организации культурного досуга молодежи в городе и деревне существенно различались. Заонежанин В. Максимов отмечал: «Единственными культурными мероприятиями для молодежи кижских деревень в эти годы были танцы и «немое» кино по воскресным дням. Поскольку специального помещения для этих целей не было, то первое время танцы для молодежи устраивались в нашей деревне в доме Б.Ф. Елупова... С открытием несколько позднее клуба и библиотеки в деревне Боярщина в доме Семенова танцы и кино устраивались там... На эти мероприятия собиралась почти вся молодежь кижской округи» [Максимов, 2018].

В трудные послевоенные годы выжить людям помогала вера. Заметно увеличилось количество крещений детей, отпеваний, во время престольных праздников отмечалось массовое посещение церквей. «По праздникам ходили в церковь на службу. Старые люди были очень набожными» [Истории нашего города, 2019]. М. Постникова вспоминает: «В церковь мы ходили часто. Посещали и все мероприятия – концерты, фильмы, беседы, которые проводились на агитпункте, располагавшемся в строительном техникуме... Благодаря тому, что нам в культпросветучилище выдавали контрамарки, я часто посещала театр. В выходные дни не было особых увеселений: надо было убрать территории у дома, наносить воды, покормить домашних животных и птиц»². «В театр ходили часто, – подтверждает В.П. Семенова, работавшая в республиканской санитарно-эпидемиологической станции, – билеты распространяли через работу. Когда премьера – принесут билеты, и кассир приходила за деньгами с полочки или с аванса. Тогда в театр ходили очень часто. Все оперетты тогда мы пересмотрели. В кино ходили почти каждое воскресенье. Как новый фильм появится – ходили в кино»³.

«Очень нравились праздники, часто собирались гости, готовилась праздничная еда, приходили бабушкины помощницы, всегда пекли много вкусных пирогов, – рассказывает М.Б. Луговская. – Летом открывали окна в столовой и всегда много пели и старых песен, и романсов, и песен из кинофильмов. Еще у нас были голуби – хобби моего отца, когда он

¹ Интервью с О.Я. Курхинен, 2013.

² Интервью с М.Н. Постниковой, 2012.

³ Интервью с В.П. Семеновой, 2005.

уже стал взрослым. Он разводил, выкармливал голубей, гонял их с крыши. Голуби были и у наших соседей. Дети мы часто играли на улице в кислый круг, лапту, даже в волейбол... Зимой все катались на финских санях, лыжах и коньках, играли в снежки, строили крепости и прыгали в сугробы. С соседями дружили крепко, всегда приходили на помощь, и все про всех знали» [Истории нашего города, 2019].

Реалии послевоенной повседневности оказывали непосредственное влияние на формирование мировоззрения молодого поколения. Заонежанин В. Максимов в своих воспоминаниях подчеркивает: «Так в первые послевоенные годы шло становление мое и моих сверстников, на глазах которых менялась жизнь к лучшему благодаря усилиям наших бабушек, мам и отцов» [Максимов, 2018]. На вопрос «Что для вас означало такое понятие, как советский человек?» В.П. Семенова ответила: «Гордость была»¹.

Таким образом, повседневная жизнь людей в первые послевоенные годы была тяжелой. По воспоминаниям современников, наиболее острыми являлись проблемы обеспечения жильем, продовольствием, одеждой и обувью, товарами повседневного спроса. Но трудности воспринимались большинством населения с пониманием, что свидетельствует о высоком уровне социального оптимизма жителей республики. Они применили различные механизмы адаптации к социально-бытовым условиям, сохраняя при этом чувство долга, взаимной помощи и поддержки, веры в светлое будущее. Особое внимание уделялось детям, престарелым и инвалидам. Несмотря на трудности послевоенного бытия, важное место в жизни населения занимала организация досуга, посещение кинотеатров и концертов, что свидетельствовало о значимой роли духовных ценностей. В то же время отмечалась значительная разница в материальных и культурных условиях жизни горожан и сельских жителей. Сохранившиеся воспоминания жителей республики, таким образом, позволяют более полно осветить различные стороны материальной и культурной жизни послевоенного общества, эмоциональные переживания и настроения людей, их ценности и ожидания.

Список литературы

1. Данилова Н.Д. 2015. История «маленького человека» или культура повседневности в советском обществе. – Иднакар: методы историко-культурной реконструкции, 2 (27): 214–218.
2. Дворковая М.В. 2016. Методологические проблемы становления истории повседневности как научного направления. В кн.: Актуальные проблемы истории России: сборник научных трудов преподавателей кафедры истории России средних веков и нового времени. М., Московский государственный областной университет: 37–45.
3. Дневник Александра Степанова. Воспоминания отца. Послевоенная жизнь. URL: <https://stepanov-karel.livejournal.com/338840.html> (дата обращения: 06.02.2018).
4. Зубкова Е.Ю. 2000. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., РОССПЭН, 229.
5. Зубкова Е.Ю. 1991. После войны: Маленков, Хрущев и «оттепель». В кн.: История общества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., Политиздат: 284–320.
6. Истории нашего города. URL: <http://history.ptz.ru/article/69>. (дата обращения: 19.03.2019)
7. Камбалина З. 1979. Восстановление. Авангард. 4 мая: 3.
8. Кознова И.Е. 2018. Сельская советская и постсоветская повседневность в новейших российских исследованиях. В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1: 208–220.
9. Кучева А.В. 2014. Человек в провинциальном городе: повседневная жизнь в послевоенные годы (1945–1953). В мире научных открытий, 11–8 (59): 3130–3145.
10. Лебина Н. Б. 2016. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. 2-е издание. М., Новое Литературное Обозрение, 488.
11. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. 2003. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., Дмитрий Буланин, 344.
12. Ложечка сахара на школьной перемене. URL: <http://www.rep.ru/daily/2009/05/06/15050/> (дата обращения: 06.02.2018).

¹ Там же.

13. Максимов В. Послевоенное кижское детство. Война в моей жизни и судьбе родного края. URL: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/72/1755.html> (дата обращения: 14.04.2018).
14. МБОУ Калевальская СОШ им. В.А. Кириллова. Воспоминания. URL: <http://kuitto.3dn.ru/index/vospominaniya/0-92> (дата обращения: 06.02.2018).
15. Меккиева. Н. Кирпич требует нежности. URL: <https://rep.ru/daily/2009/05/13/15073> (дата обращения 6 февраля 2018).
16. Меккиева Н. Молились и Сталину, и богу. URL: <https://rep.ru/daily/2009/04/29/15032/> (дата обращения: 06.02.2018).
17. Назарова Н.В. 2014. Методологические аспекты изучения культуры повседневности: общее и особенное – В мире научных открытий, 3–5(51): 2082–2094.
18. Никодимов В. 2000. Моя Зарека, или прогулки в недавнее прошлое. Город, 29 марта – 4 апреля, 7: 12.
19. Новинская Т.Ю. 2015. Советская повседневность: введение в историографию – XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс, 2, 1 (23): 167–171.
20. Просняков А. Основные воспоминания. Послевоенное время. URL: <http://www.proza.ru/2009/11/05/710> (дата обращения 6 февраля 2018).
21. Пушкарева Н.Л. 2016. Научное направление «история повседневности» в отечественной и зарубежной историографии (к оценке итогов историко-антропологического поворота в социальных науках). Вестник антропологии, 3 (35): 121–140.
22. Смагулов А.Ж. 2016. Повседневная жизнь Центрального Казахстана в 1940–1950-е годы. Наука и современность, 43: 88–96.
23. Шумилова Э.Е. 2018. История повседневности: теоретико-методологический аспект. Академик, 4: 16–20.
24. Яковлев А.А. 2014. Повседневная жизнь «не-маленьких людей»: новые подходы к истории повседневности. Диалог со временем, 48: 292–308.

References

1. Danilova N.D. 2015. Istoriya «malen'kogo cheloveka» ili kul'tura povsednevnosti v sovetskom obshchestve [The history of the "little man" or the culture of everyday life in Soviet society]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii*, 2 (27): 214–218.
2. Dvorkovaya M.V. 2016. Metodologicheskie problemy stanovleniya istorii povsednevnosti kak nauchnogo napravleniya [Methodological problems of formation of the history of everyday life as a scientific direction]. V kn.: Aktual'nye problemy istorii Rossii sbornik nauchnyh trudov prepodavatelej kafedry istorii Rossii srednih vekov i novogo vremeni. [Actual problems of Russian history collection of scientific works of teachers of the Department of Russian history of the middle ages and modern times]. M., Publ. Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet: 37–45.
3. Dnevnik Aleksandra Stepanova. Vospominaniya otca. Poslevoennaya zhizn' [Diary Of Alexander Stepanov. Father's memories. Postwar life]. Available at: <https://stepanov-karel.livejournal.com/338840.html> (accessed: 06.02.2018).
4. Zubkova E.Yu. 2000. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 [Postwar Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. M., ROSSPEN, 229.
5. Zubkova E.Yu. 1991. Posle vojny: Malenkov, Hrushchev i «ottepel'» [After the war: Malenkov, Khrushchev and the thaw]. V kn.: Istoriya otechestva: lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Sovetskogo gosudarstva [History of the Fatherland: people, ideas, decisions. Essays on the history of the Soviet state]. M., Publ. Politizdat: 284–320.
6. Istoriya nashego goroda [History of our city]. URL: <http://history.ptz.ru/article/69> (accessed: 18.02.2018).
7. Kambalina Z. 1979. Vosstanovlenie [Recovery]. Avangard. 4 maya: 3.
8. Koznova I.E. 2018. Sel'skaya sovetskaya i postsovetskaya povsednevnost' v novejsih rossijskih issledovaniyah [Rural Soviet and post-Soviet everyday life in the latest Russian studies]. V kn.: Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy [Yearbook of agricultural history of Eastern Europe], 1: 208–220.
9. Kucheva A.V. 2014. Chelovek v provincial'nom gorode: povsednevnaya zhizn' v poslevoennye gody (1945–1953) [A man in a provincial town: everyday life in the postwar years (1945–1953)]. V mire nauchnyh otkrytij, 11–8 (59): 3130–3145.

10. Leбина N.B. 2016. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu [Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to Grand style]. 2-e izdanie. M., Novoe Literaturnoe Obozrenie, 488.
11. Leбина N.B., Chistikov A.N. 2003. Obyvatel' i reformy. Kartiny povsednevnoj zhizni gorozhan v gody nepa i hrushchevskogo desyatiletiya [Philistine and reform. Pictures of everyday life of citizens during the NEP and Khrushchev decade]. SPb., Dmitriy Bulanin, 344.
12. Lozhechka sahara na shkol'noj peremene [A spoonful of sugar at school break]. URL: <http://www.rep.ru/daily/2009/05/06/15050/> (accessed: 06.02.2018).
13. Maksimov V. Poslevoennoe kizhskoe detstvo. Vojna v moej zhizni i sud'be rodnogo kraja [Kizhi post-war childhood. The war in my life and the fate of my native land]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/72/1755.html> (accessed: 14.04.2018).
14. MBOU Kaleval'skaya SOSh im. V.A. Kirillova. Vospominaniya [Kalevala MBOU SOSH im. V.A. Kirillov. Memory lane]. URL: <http://kuitto.3dn.ru/index/vospominaniya/0-92> (accessed: 06.02.2018).
15. Mekkieva. N. Kirpich trebuet nezhnosti [Brick requires tenderness]. URL: <https://rep.ru/daily/2009/05/13/15073> (accessed: 06.02.2018).
16. Mekkieva N. Molilis' i Stalinu, i bogu [They prayed to Stalin and to God]. URL: <https://rep.ru/daily/2009/04/29/15032/> (accessed: 06.02.2018).
17. Nazarova N.V. 2014. Metodologicheskie aspekty izucheniya kul'tury povsednevnosti: obshchee i osobennoe [Methodological aspects of everyday culture study: General and special] – V mire nauchnyh otkrytij, 3–5 (51): 2082–2094.
18. Nikodimov V. 2000. Moya Zareka, ili progulki v nedavnee proshloe [My zareka, or walk in the recent past]. Gorod, 29 marta – 4 aprelya, 7: 12.
19. Novinskaya T.Yu. 2015. Sovetskaya povsednevnost': vvedenie v istoriografiyu [Soviet everyday life: an introduction to historiography]. XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus, 2, 1 (23): 167–171.
20. Prosnjakov A. Osnovnye vospominaniya. Poslevoennoe vremya [Basic memories. Postwar period]. URL: <http://www.proza.ru/2009/11/05/710> (accessed: 06.02.2018).
21. Pushkareva N.L. 2016. Nauchnoe napravlenie («istoriya povsednevnosti») v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii (k ocenke itogov istoriko-antropologicheskogo povorota v social'nyh naukah) [Scientific direction «history of everyday life» in domestic and foreign historiography (to the assessment of the results of the historical and anthropological turn in the social Sciences)]. Vestnik antropologii, 3 (35): 121–140.
22. Smagulov A.Zh. 2016. Povsednevnyaya zhizn' Central'nogo Kazakhstana v 1940–1950-e gody [Everyday life of Central Kazakhstan in the 1940s – 1950s]. Nauka i sovremennost', 43: 88–96.
23. Shumilova E.E. 2018. Istoriya povsednevnosti: teoretiko-metodologicheskij aspekt [The history of everyday life: theoretical and methodological aspect]. Akademik, 4: 16–20.
24. Yakovlev A.A. 2014. Povsednevnyaya zhizn' «ne-malen'kih lyudej»: novye podhody k istorii povsednevnosti [Everyday life of «not-little people»: new approaches to the history of everyday life]. Dialog so vremenem, 48: 292–308.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Вавулинская Л.И. 2019. Повседневная жизнь населения во второй половине 1940-х – 1950-е гг. (по воспоминаниям жителей Карелии). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 46(4): 744–753. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-744-753

Vavulinskaya L.I. 2019. The daily life of the population in the second half of the 1940s – 1950s (by the memories of residents of Karelia). Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science, 46(4): 744–753 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-744-753